

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ДОЧЬ ЛОРДА
ДЕМОНОВ

Сергей Патрушев
Дочь лорда демонов

«Автор»

2026

Патрушев С.

Дочь лорда демонов / С. Патрушев — «Автор», 2026

Юная Лилит, дочь Владыки Пепла, не желает быть украшением трона и послушной наследницей. Она срывает дипломатические церемонии, охотится на бесов в подземельях и дерзит самому Совету Архидемонов, но за дерзостью скрывается древняя сила, о которой не подозревает даже она сама. Когда заговорщики пытаются свергнуть её отца, а культисты использовать её кровь для пробуждения древнего зла, Лилит оказывается в центре опасной игры. Ей предстоит пройти запретные испытания, обуздать хаос, что течёт в её жилах и доказать, что она не просто наследница, а оружие, способное изменить все миры. Путь к трону лежит через предательство, потери и трудный выбор между свободой и долгом. Отец верит в неё, враги боятся, а она лишь ухмыляется: "Скучно жить по чужим правилам". История о бунтарке, что отказывается следовать канонам, и о силе, которая рождается из любви, гордости и пламени.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследница Пепла	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Патрушев

Дочь лорда демонов

Глава 1. Наследница Пепла

Сквозь чёрный базальт стен, украшенных барельефами падших титанов и сценами великих битв, что произошли задолго до появления первых смертных, не проникал ни единый звук внешнего мира. Сам воздух здесь, в Цитадели Вечного Пламени, казалось, был пропитан невысказанной угрозой, древней яростью и чем-то неуловимым, что заставляло даже самых отчаянных демонов держать свои амбиции при себе.

Дворец Лорда Демонов никогда не знал тишины в привычном понимании этого слова: где-то в глубине его бесконечных недр всегда что-то шипело, скрежетало, ворочалось или глухо вздыхало, словно само исполинское здание дышало, переваривая страдания, интриги и несбывшиеся мечты своих многочисленных обитателей.

Сегодня, однако, к этой привычной, почти успокаивающей какофонии подземного мира примешивалась новая, совершенно чужеродная и оттого особенно неприятная нота — тонкий, раздражающий звон парадного серебра, шорох тяжелых церемониальных мантий, расшитых драгоценными камнями, и приторный, сладковатый запах благовоний, который так обожали высокие гости из других домов. Готовилась дипломатическая церемония, одно из тех нудных, выматывающих душу и опустошающих разум мероприятий, которые Лорд Асмодей, Владыка Пепла и Повелитель Бездны, ненавидел всеми фибрами своей древней, испепеленной бесчисленными войнами, заговорами и предательствами души.

Огромный тронный зал, способный вместить целый легион боевых демонов со всеми их зверями и осадными машинами, был вычищен до зеркального блеска, что само по себе казалось кощунством. Черный оникс пола, обычно покрытый сажей, трещинами и следами от когтей, теперь отражал колонны из красного гранита, словно бесконечные кровавые реки, уходящие в туманную высь, где терялись своды, окутанные вечным полумраком. Вдоль стен выстроились легионеры личной гвардии Асмодея, закованные в доспехи из закаленной в жерлах вулканов лавы.

Их лица скрывали глухие шлемы, украшенные лишь узкими прорезями для глаз, откуда исходило тусклое алое свечение. Они стояли неподвижно, как изваяния, высеченные из единого куска обсидиана, но от каждого из них исходила едва сдерживаемая, концентрированная волна агрессии, словно от натянутой до предела тетивы. Эти воины были созданы для битвы, рождены в пламени и крови, и их тела, покрытые ритуальными шрамами, знали лишь язык войны. А потому стоять на часах во время какой-то там дипломатической церемонии для них было изощренной пыткой, сравнимой разве что с погружением в святую воду.

В центре зала, на возвышении, сложенном из тысяч переплавленных клинков поверженных врагов, высился трон. Он не был усыпан драгоценностями, не был покрыт золотом или серебром, не сиял магическими огнями. Это был грубый, пугающий монолит из вулканического стекла, внутри которого, казалось, навеки застыл вихрь первичного огня, того самого,

что горел в момент сотворения Ада. И на этом троне, сгорбившись так, словно он нес на своих плечах тяжесть всех миров, уставшая от собственного веса гора, восседал Лорд Асмодей.

Он был облачен в тяжелые, многослойные одежды из кожи виверны, выкрашенные в цвет запекшейся крови. Его лицо, изрезанное шрамами от ангельских клинков, демонических когтей и заклятий древних богов, казалось маской, высеченной из старого, потрескавшегося камня. Глубоко посаженные глаза, в которых мерцали багровые угли, лениво скользили по залу, не выражая ничего, кроме вселенской, всепоглощающей скуки.

Вокруг трона, подобострастно сгибаясь в поклонах и заламывая руки, суетились советники, старшие демоны и маги его двора, но их слова, их доклады и их интриги звучали для Асмодее лишь назойливым жужжанием насекомых, от которых он давно устал отмахиваться. Он знал наперед, что скажет каждый из них, знал, каков будет исход предстоящих переговоров, и знал, что до конца этой унижительной пытки вежливостью осталось ещё бесконечно много времени, которое он предпочел бы провести в своей кузнице, перековывая старый меч, или в подземельях, где его ждали древние тайны.

Совет Архидемонов — сборище напыщенных, трусливых и невероятно амбициозных тварей, каждый из которых мнил себя едва ли не равным ему по могуществу, прибыл в его дворец под благовидным предлогом обсуждения нового раздела границ Территорий Влияния. На деле же, Асмодей не сомневался ни секунды, они явились с одной-единственной целью: прощупать его позиции, вывести его слабые места, попытаться выторговать себе ещё немного власти, влияния и территорий, а возможно, и вовсе найти брешь в броне Владыки, чтобы нанести удар в спину при первом удобном случае.

Каждый из них был опасен по-своему. Вельзевул, дородный, заплывший жиром демон с многочисленными подбородками, которые тряслись при каждом его слове, был мастером интриг, плетущим свои сети из лжи, лести и предательства. Его кажущаяся неуклюжесть была обманчива: в его маленьких, заплывших глазках горел острый, цепкий ум. Молох, сухой, как древний скелет, с глазами, горящими фанатичным огнем, был одержим идеей очищения огнем, и его непредсказуемость делала его вдвойне опасным.

Остальные, менее значительные, но оттого не менее алчные, расположились вокруг, образуя полукруг перед тронем, а их многочисленные свиты, состоящие из низших демонов, советников, рабов и прихлебателей, заполняли все пространство у входа, создавая невообразимый, режущий слух гул, похожий на гудение растревоженного улья.

Воздух в зале был спертым и тяжелым, словно его сгустили до состояния киселя. Дыхание сотен демонов, испарения их разгоряченных тел, запахи страха, алчности и тщательно скрываемой вражды смешивались в отвратительный коктейль, от которого у Асмодее першило в горле. Он ненавидел эти собрания больше, чем святые воды и ангельские клинки, вместе взятые. Там, на полях сражений, враг был хотя бы честен в своей ненависти.

Здесь же, в этом змеином гнезде, каждый был готов вонзить кинжал в спину соседа, прикрываясь улыбкой и заверениями в вечной дружбе. Асмодей давно уже не верил никому из них, и самым большим оскорблением для него было то, что эти существа считали, что он не замечает их жалких потуг обмануть его. Он видел каждую нить их интриг, каждый потаенный мотив, каждый замысел, который они вынашивали в своих мелких, злобных душонках. И это знание наполняло его не тревогой, а лишь бесконечной, вселенской усталостью.

Герольд, низший демон с раздвоенным языком и кожей цвета сырой земли, трижды ударил в огромный гонг, выкованный, как говорили, из черепа убитого императора одного из павших миров. Звук, низкий, вибрирующий, проникающий в самые кости, прокатился по залу, отражаясь от стен и колонн, заставив всех мгновенно замолчать.

Наступила тишина, в которой слышно было лишь потрескивание факелов и приглушенное дыхание сотен существ. Тишина эта была не пустой, она была наполнена напряжением, ожиданием и страхом, настолько осязаемым, что, казалось, его можно было резать ножом. Асмодей медленно, с видимым неудовольствием, поднял руку, и один из его ближайших советников, сморщенный бес, похожий на высушенную мумию, обернутую в шелка, выступил вперед, торжественно разворачивая длинный свиток из человеческой кожи, исписанный кровью девственниц. Его голос был тихим и скрипучим, но в полной тишине его слышали все.

— Владыка, прошамкал он, склонившись в поклоне, в соответствии с древним протоколом, на церемонии приветствия должна присутствовать ваша наследница, Леди Лилит. Её появление укрепит союзнические отношения и продемонстрирует стабильность вашей династии. Это... он на мгновение замялся, подбирая слова, это традиция, которую Совет ожидает увидеть соблюденной.

При этих словах Вельзевул, сидевший ближе всех к трону и, казалось, дремавший, раскрыл свои маленькие, хитрые глазки и ухмыльнулся, обнажив ряд гнилых, почерневших зубов. От него исходил запах разложения, смешанный с благовониями, что делало его присутствие почти невыносимым.

— Да, да, прогудел он, и его голос напоминал бульканье болотной жижи, в которую упало что-то тяжелое. — Мы все наслышаны о красоте и благовоспитанности юной принцессы. Для нас будет огромной честью лицезреть её. Говорят, она истинное украшение вашего двора, бриллиант, сверкающий на фоне вашей... — он сделал паузу, обводя взглядом суровые стены, вашей, безусловно, грозной, но несколько мрачной резиденции.

Молох, не поворачивая головы и не глядя на своего собеседника, сухо рассмеялся. Его смех напоминал скрежет металла о камень, и от этого звука у многих присутствующих по коже пробежали мурашки.

— Украшение... — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Хорошее слово для того, кто должен лишь сидеть, улыбаться и помалкивать, пока мужчины решают судьбы миров. Истинное предназначение любой дочери, не так ли, Асмодей? Родиться, быть красивой, быть проданной за выгодный союз и исчезнуть в чужом доме, рожая наследников.

Асмодей не удостоил их ни взглядом, ни словом. Он продолжал сидеть на своем троне, словно изваяние, но в глубине его багровых глаз промелькнуло нечто, похожее на отсвет далекой молнии. Он медленно перевел взгляд на своего советника, который все ещё стоял, держа перед собой злосчастный свиток.

— Где она? — спросил Лорд коротко. Вопрос прозвучал тихо, но от него повеяло таким холодом, что советник вздрогнул, словно от удара.

— Леди Лилит... готовится, — ответил он, нервно комкая край свитка. Его лоб покрылся испариной. — Ей помогают с платьем. Как вы и приказывали. Платье, доставленное из Дома Вечных Сумерек, сшитое лучшими мастерицами Преисподней. Серебряные нити, жемчуг из слез утопленниц...

Асмодей ничего не ответил. Он перевел взгляд на массивные двустворчатые двери в дальнем конце зала, выкованные из метеоритного железа и украшенные сценами великих битв. Он смотрел сквозь них, сквозь толщу камня, сквозь бесконечные коридоры и переходы, словно силясь увидеть, что происходит в покоях его дочери.

Он знал, что это «приготовление» не сулит ничего хорошего. Он чувствовал это всеми своими древними, отточенными за тысячелетия инстинктами. Чувствовал бурю, которая собирается где-то за пределами этого вымуштрованного, лживого собрания, бурю, которая должна была вот-вот разразиться. И, что самое удивительное, он не испытывал желания её предотвратить.

Тем временем в своих покоях, расположенных в одной из самых высоких башен Цитадели, откуда открывался вид на огненные реки и дымящиеся горы, юная Лилит отбивалась от рук четырех камеристок, словно пойманный в силки молодой василиск.

Её длинные, угольно-черные волосы, обычно спутанные и всклокоченные ветром подземелий, сейчас пытались расчесать и уложить в замысловатую прическу, украшенную драгоценными шпильками и живыми цветами, выписанными из оранжерей чужого мира. Но волосы не поддавались, упрямо завиваясь в спирали и выскальзывая из неумелых пальцев служанок. Платье, приготовленное для церемонии, висело на манекене в углу комнаты, словно издевательство над самой сутью Лилит.

Это было громоздкое сооружение из нежно-розового шелка, расшитое серебряными нитями, речным жемчугом и мелкими бриллиантами, которые ловили свет магических ламп и рассыпали по стенам радужные блики. Оно было похоже на гигантский, безвкусный свадебный торт, который по ошибке залили кровью невинных младенцев. Оно было оскорблением всему, чем она была.

— Миледи, пожалуйста, не вертитесь! — взмолилась одна из камеристок, молоденькая суккуба с подрагивающими от страха полупрозрачными крылышками за спиной. Её голос дрожал, а руки, в которых она держала гребень из кости, ходили ходуном. — Осталось совсем немного! Гости уже собираются в тронном зале! Ваш отец будет недоволен...

— Отстаньте от меня, ироды! — прорычала Лилит, вырывая гребень из рук другой служанки и с силой швыряя его в стену, где он разлетелся на куски. — Я не собираюсь надевать это... это саркофаг для безвкусицы! Это платье — оскорбление для любого, у кого есть глаза! Нежно-розовый! Вы слышите? Нежно! Розовый! Моя мать перевернулась бы в своей могиле, если бы узнала, что её дочь собираются выставить в таком виде перед этим сборищем старых, разжиревших от власти пауков!

Она вскочила на ноги, оттолкнув от себя третью служанку, которая пыталась надеть на нее длинную нить жемчуга. Её движения были резкими, стремительными, как у дикого зверя, загнанного в угол. На ней была простая туника из черной чешуи, поверх которой был накинута короткая кожаная жилетка с множеством карманов, где она хранила свои охотничьи амулеты.

и кости убитых ею тварей, а на ногах — высокие ботинки на толстой, рифленой подошве, предназначенные для лазания по скалам и бега по скользким камням подземелий.

Даже в этом, «домашнем», виде она выглядела куда гармоничнее, величественнее и, несмотря ни на что, красивее, чем в том нелепом кошмаре, который для неё приготовили. Её глаза, унаследованные от матери, — не багровые, как у отца, а цвета расплавленного серебра, — металы грома и молнии. Скулы были высокими, волевыми, а линия подбородка говорила о несгибаемом упрямстве. Она была прекрасна той дикой, опасной красотой, которая была способна пленить куда сильнее, чем все жемчуга и шелка вместе взятые.

— Это приказ вашего отца, Лорда Асмодея! — запищала третья камеристка, пятясь назад и прижимая к груди бархатную подушечку с булавками. — Вы должны быть... милой! Такова ваша роль! Ваш долг!

— Милой? — Лилит резко повернулась к ней, и в её серебристых глазах заплескали настоящие искры, а воздух вокруг неё начал потрескивать от напряжения. — Я — дочь Владыки Пепла! Я — наследница трона из обсидиана! Я должна быть грозной, я должна быть опасной, я должна внушать ужас одним своим видом! А не милой! «Милость» — это то, о чем просят, стоя на коленях, за секунду до того, как лезвие коснется твоего горла! «Милость» — это слово для слабых и для тех, кто просит пощады! Я не собираюсь просить! И уж тем более не собираюсь быть «милой» для этих напыщенных трусов, что собрались внизу!

Она рывком распахнула тяжелые, выходящие на широкий балкон двери. Ветер, пахнувший серой, озоном и далеким дымом, ворвался в комнату, разметав приготовленные на туалетном столике ленты, баночки с румянами, пудрой и драгоценными благовониями. Он принес с собой запах свободы, запах подземного мира, который Лилит знала и любила.

Далеко внизу простирались её владения: изрезанные глубокими каньонами долины, над которыми поднимались столбы черного дыма, мрачные, поросшие лишайником горы, в чьих пещерах и расщелинах жили низшие бесы, стаи адских гончих и прочие твари, о которых знали лишь в легендах. А ещё там была огненная река, несущая свои расплавленные воды к самому краю Бездны, туда, откуда не возвращался никто. Это была её земля. Её дом. И она знала каждый его камень, каждый закоулок, каждый тайный ход и каждую ловушку.

Она закрыла глаза на мгновение, вдыхая этот пьянящий воздух свободы. Он был пропитан серой, гарью, раскаленным камнем и чем-то ещё — той первозданной, дикой мощью, которая текла в жилах самого Подземного мира. Этот запах был её колыбельной, её детством, её убежищем. Она помнила, как ещё совсем маленькой, ускользая от нянек и гувернанток, пробиралась на нижние ярусы дворца, туда, куда не ступала нога благородных демонов.

Там, среди ржавых механизмов, древних казематов и заброшенных хранилищ, она училась выживать, драться и прятаться. Там она впервые убила — мелкого, злобного грызуна, который посмел оскалиться на нее. Ей тогда было всего пять лет, но она запомнила это чувство навсегда: страх, ярость, решимость и, наконец, триумф. С тех пор она никогда не боялась испачкать руки.

— Миледи, умоляю вас, только не это, — прошептала одна из служанок, угадав ход её мыслей. — Вы же знаете, чем это заканчивается. Ваш отец будет в ярости, если вы снова сбежите! А Совет... они же все видят! Это будет позор!

— Позор? — Лилит рассмеялась коротким, злым смешком. — Позор — это то, что вы сейчас пытаетесь со мной сделать. Позор — это наряжать принцессу Ада в одежды небесной девы и выставять её на потеху этим стервятникам. А то, что собираюсь сделать я... это называется «достоинство». И мне плевать, понимаете вы это или нет.

Она отвернулась от служанок и снова посмотрела вниз, на раскинувшуюся перед ней панораму. Где-то там, глубоко под дворцом, в бесконечных, запутанных, как лабиринт, подземельях и катакомбах, кипела настоящая жизнь. Там, в вечной темноте, среди потоков лавы, серных озер и ледяных пещёр, обитали бесы.

Не та разряженная, напомаженная знать, что собралась сейчас в тронном зале, а настоящие, дикие, первородные твари, зубастые и когтистые, с горящими в темноте глазами, только и ждущие, чтобы вцепиться тебе в глотку и разорвать на части. Именно туда Лилит сбегала каждую свободную минуту, каждую ночь, когда дворец затихал. Там она чувствовала себя живой. Там она была не «украшением трона», не «принцессой на выданье», а наследницей, воительницей, хищницей, которой не было равных.

Внезапно из глубины коридора, ведущего к её покоям, раздался глухой, утробный вой. Он был настолько низким, что вибрировали стекла в окнах и дрожала вода в кувшине на столике. Это был вой адского пса. Её адского пса. Лилит замерла на полушаге, прислушиваясь. Вой повторился, на этот раз ближе и настойчивее. Камеристки в страхе сбились в кучу, дрожа всем телом. Одна из них тихо всхлипнула.

— Вы слышите? — тихо спросила Лилит, и её голос был полон предвкушения и азарта. Она обернулась к перепуганным служанкам, и на её губах заиграла хищная улыбка. — Это Пожиратель. Он зовет меня. Он знает. Он чувствует стаю низших бесов, что пробралась в северные тоннели. Они обнаглели в последнее время. Почуяли слабинку, вероятно, из-за этого сборища идиотов, что топчется у нас в зале. Они думают, что мы отвлеклись. Они думают, что могут хозяйничать в моих подземельях!

— Миледи, нет! — взмолилась одна из служанок, падая на колени. — Церемония! Платье! Ваш отец!

Но Лилит уже не слышала её. Одним стремительным, отточенным движением она сорвала с себя тунику и отшвырнула её в сторону. Под ней оказался плотно облегающий корсет из кожи саламандры, защищающий от жара и когтей. Она натянула боевые доспехи: чешуйчатую кольчугу, которая не сковывала движений, но при этом выдерживала удар демонического меча, наручи с длинными, загнутыми шипами на предплечьях и легкую, почти невесомую мантию с глубоким капюшоном, сотканную из паутины тенепрядов.

Она вытащила из-под массивной кровати, стоящей на кованых ножках в виде лап дракона, длинный изогнутый меч в простых черных ножнах, покрытых рунами древнего народа, и с лязгом прицепила его к поясу. Завершив облачение, она почувствовала себя той, кем была на самом деле. Свободной. Опасной. Живой.

— Скажите отцу, что я задержусь, — бросила она через плечо, уже стоя одной ногой на перилах балкона, держась рукой за каменный выступ. — У меня появились дела поважнее, чем любезничать с советом старых, выживших из ума маразматиков, которые только и делают, что

плетут интриги да жрут за наш счет! Может быть, если мне повезет, кто-нибудь из них сдохнет от скуки до моего возвращения!

И прежде чем кто-либо из служанок успел ответить, она оттолкнулась от перил и шагнула в пустоту. Ветер свистел в ушах, приближая каменистую землю с пугающей, головокружительной скоростью. Но Лилит не боялась. Она была рождена для этого. Она свистнула — резкий, пронзительный звук, который разнесся над всем дворцом, над башнями и внутренними дворами, над казармами и конюшнями, где содержались боевые звери. И через мгновение, буквально из ниоткуда, из тени скалы, что примыкала к стене башни, прямо из, казалось бы, сплошного камня, выпрыгнула огромная, невероятная тварь.

Это был Пожиратель, её верный друг, боевой товарищ и единственное существо во всем мире, которому она доверяла безоговорочно. Адский пес размером с быка, с широкой грудью, покрытой блестящей, как антрацит, черной шерстью, и лапами, мощными, как колонны, увенчанными когтями, каждый из которых был размером с кинжал.

Его шкура была местами покрыта ороговелыми костяными наростами, служившими естественной броней, а из пасти, усеянной рядами клыков, способных перекусить стальной прут, вырывался густой черный дымок. В его алых, светящихся в полумраке глазах, не было ни страха, ни злобы — только неукротимый восторг и безграничная преданность. Он подставил свою широченную мускулистую спину прямо под падающую Лилит, и та ловко, словно спросишь с ним в единое целое, оседлала его.

— Вниз! — крикнула она, хлопнув пса по мощной шее, и ее голос потонул в радостном реве зверя.

Пожиратель взревел от радости, выпустил струю пламени из ноздрей, и сорвался с места, словно камень, выпущенный из катапульты. Они понеслись вниз по отвесной скале, в обход главных ворот, прямо к неприметному входу в подземелье, скрытому за выступом и видимому только с этого, никому не известного угла. Вход был замаскирован так искусно, что даже самые преданные стражники не знали о его существовании.

Охота была стремительной, жестокой и опьяняющей. В северных тоннелях, освещённых лишь редкими кристаллами, испускающими бледный, призрачный, пульсирующий свет, где тени жили своей собственной жизнью, Лилит спешила. Пожиратель шел рядом, низко опустив огромную голову, его ноздри раздувались, ловя малейшие запахи, а из пасти вырывался пар.

Они быстро нашли след. Стая низших бесов, отвратительных тварей размером с крупную собаку, с облезлой, местами выпавшей шерстью, кривыми, узловатыми лапами, и длинными, голыми хвостами, оканчивающимися ядовитым жалом, рыскала в поисках падали. Они чувствовали себя хозяевами этих мест. Запах их мочи, зловоние гнилого мяса и тухлой серы висели в воздухе, выдавая их присутствие.

Лилит напала первой, без предупреждения, без боевого клича. Она обрушилась на них, как карающий вихрь из тьмы. Её меч, вышедший из ножен с негромким, но многообещающим шипением, запел свою боевую песнь, рассекая податливую плоть, дробя хрупкие кости и выпуская на волю потоки черной, дымящейся крови. Она двигалась в темноте с грацией и точ-

ностью прирожденного хищника, её глаза прекрасно видели в полумраке, улавливая малейшее движение.

Каждый её удар был смертоносен, каждое движение — экономно и выверено. Пожиратель действовал рядом, как живой, неумолимый таран. Его челюсти смыкались на шеях бесов, с мерзким хрустом ломая позвонки, а мощные лапы давили их в лепешку, оставляя на камнях кровавые следы. Он разрывал их на части, отбрасывая в стороны, и его рычание, низкое, вибрирующее, казалось, проникало в сам камень.

Охота превратилась в бойню. Бесы, застигнутые врасплох, не ожидавшие встретить здесь такого сопротивления, визжали, рычали, отчаянно огрызались, но их попытки атаковать разбивались о сталь и клыки, как волны о скалы. Они пытались сбежать, разбегаясь в разные стороны, но от Пожирателя и его хозяйки не уходил никто.

В какой-то момент один из бесов, самый крупный и, видимо, самый отчаянный, прыгнул на Лилит со спины, целясь своими ядовитыми клыками ей в шею. Она почувствовала движение воздуха за мгновение до атаки, резко развернулась и встретила тварь ударом локтя, на котором был закреплен длинный, загнутый шип. Шип вошел бесу точно в глаз, пробив череп и выйдя с обратной стороны. Тварь забилась в предсмертной агонии, брызгая черной кровью и испуская пронзительный, режущий слух визг.

Лилит отшвырнула её в сторону, даже не взглянув на результат. Пожиратель в этот момент схватил двух бесов одновременно, одного в пасть, другого лапой, и с невероятной силой ударил их друг о друга, превратив в месиво.

Когда все было кончено, Лилит стояла посреди груды изуродованных, дымящихся тел, тяжело дыша. Воздух был пропитан запахом крови, серы и смерти. Она была вся измазана в саже и копоты, в черной, вязкой крови бесов, которая медленно стекала по её доспехам. Её волосы растрепались, а в глазах горел мрачный, удовлетворенный огонь. Она чувствовала себя так, как никогда не чувствовала в шелках и жемчугах. Она была довольна, как никогда. Пожиратель, чья черная шерсть также была в алых брызгах и комьях плоти, подошел к ней и лизнул её руку своим горячим, шершавым языком. В его алых глазах не было и тени усталости, только чистая, незамутненная радость от хорошо проделанной совместной работы.

— Вот это другое дело, — сказала Лилит, вытирая клинок о шкуру убитого беса и вкладывая его в ножны с глухим, удовлетворенным щелчком. — Вот это я понимаю — настоящая дипломатия. Язык стали и клыков куда красноречивее всех этих церемонных расшаркиваний.

Она знала, что отец будет в ярости. Что церемония давно началась, и её отсутствие становится не просто заметным, а скандальным. Что Совет Архидемонов, эти старые, жадные пауки, почувствуют оскорбление и будут требовать сатисфакции. Ей было плевать. Она была пьяна от схватки, от запаха крови и дыма, от чувства собственной силы и правоты.

Возвращаться во дворец, в это логово лицемерия, интриг и смертной скуки, не хотелось до тошноты. Но выбора не было. Рано или поздно ей придется туда вернуться и взглянуть в каменное, бесстрастное лицо отца, которое не выражало ничего, кроме вечного разочарования. Или, быть может, ей предстоит увидеть в нем нечто другое. Этого она не знала, и именно это неизвестное заставляло ее сердце биться быстрее.

Она вскочила на Пожирателя, и пёс, чувствуя её настроение, без лишних команд понесся обратно к дворцу. На этот раз Лилит не стала пробираться тайными тропами, не стала прятаться и замечать следы. Ей надоело прятаться. Ей надоело быть той, кем она не является. Она направила пса прямо к парадному входу в тронный зал, к массивным двустворчатым дверям из мореного дуба и метеоритного железа, которые были закрыты. Двое стражников-легионеров, охранявших вход, при виде мчащегося на них всадника верхом на чудовищном звере, инстинктивно отшатнулись, вскинули копья, но, узнав Лилит, замерли в полной нерешительности. Они были обучены убивать, но не были обучены противостоять дочери самого Владыки.

— Открывайте! — скомандовала она, натягивая поводья, и в её голосе прозвучало столько стали, что стражники вздрогнули.

— Но, Миледи, там идет переговорный процесс! — пролепетал один из них, чей голос дрожал под шлемом. — Сам Лорд Асмодей...

— Я сказала, открывайте! — её голос был холоден, как лед девятого круга Бездны. В нем не было места для возражений.

Стражники, понимая, что спорить с дочерью Владыки себе дороже, переглянулись и, кряхтя от натуги, налегли на створки. Тяжелые двери начали медленно, с душераздирающим, ржавым скрипом, открываться. Из зала хлынул яркий свет магических светильников, шум сотен голосов и приторный запах благовоний, от которого Лилит немедленно захотелось зажать нос. Она почувствовала, как волна ненависти к этому месту и к этим существам поднимается в ней.

Лилит, не дожидаясь, пока створки раскроются полностью, пришпорила Пожирателя. Огромный пёс, взрыкнув, рванул в образовавшуюся щель, расширяя её своим мощным телом. Раздался треск, в воздух полетели щепки. Копыта его лап, больше похожие на лапы, чем на копыта, зацокали по гладкому, отполированному ониксовому полу, этот звук, похожий на удары молота, эхом разнесся по залу, мгновенно заглушив все разговоры и смех.

Воцарилась гробовая, звенящая тишина. Такая тишина, которая наступает перед катастрофой.

Сотни глаз уставились на нее. Архидемоны, которые только начали свои напыщенные, полные фальшивой вежливости речи, замерли с открытыми ртами. Вельзевул поперхнулся кубком с заморским вином и теперь отплевывался, проливая красную жидкость на свои роскошные одежды. Молох инстинктивно вцепился в подлокотники своей каменной скамьи, его костяшки побелели, а глаза расширились.

Свита замерла в самых нелепых, неестественных позах. Даже бессменные стражники, стоявшие вдоль стен, казалось, перестали дышать. Все взгляды были прикованы к фантастическому, невозможному, невероятному зрелищу: юная принцесса, верхом на гигантском адском псе, вся в крови, саже и копоти, въезжает в сердце дипломатической церемонии, оставляя за собой грязный след.

И вот она, Лилит, наследница Пепла, остановила пса прямо перед возвышением с тронном, перед самым тронном, на котором восседал её отец. Пожиратель, почувствовав всеобщее внимание и исходящую от гостей волну страха, злобы и недоумения, оскалил свои чудовищные

клыки и низко, угрожающе, вибрирующе зарычал. Из его ноздрей вырвались две струйки черного, едкого дыма, которые поползли по полу, словно змеи. Лилит обвела взглядом ошеломленный Совет. На её губах играла презрительная, уничтожающая улыбка, которая, казалось, говорила каждому из присутствующих: «Ты — ничто».

— Прошу прощения за опоздание, достопочтенные архидемоны, — произнесла она громко и четко, и её звонкий, полный яда голос, разнесся по всем уголкам огромного зала, впиваясь в уши, как иглы. — У меня были неотложные дела.

Она спрыгнула с пса, приземлившись на пол с глухим стуком, и, небрежно отряхнув рукав от налипшей грязи, окинула собравшихся взглядом, полным нескрываемого превосходства и презрения. Её поза, её вид, её слова — все это было вызовом, брошенным в лицо самому влиятельному собранию демонов.

— Это что, все? — спросила она, небрежно кивая в сторону замерших архидемонов. — Я думала, Совет Влиятельных — это сборище древних и могучих, от одного вида которых кровь стынет в жилах, а земля дрожит под ногами. А вы больше похожи на стаю перепуганных, мокрых кур, которых загнали в угол и собираются ощипать. Позор.

По залу пронесся ропот, похожий на шелест сухих листьев. Кто-то из младших демонов возмущенно зашипел, кто-то сжал кулаки. Вельзевул побагровел, его многочисленные подбородки затряслись от неконтролируемого гнева, а маленькие глазки налились кровью.

— Какая неслыханная дерзость! — прогудел он, брызжа слюной и вином. — Владыка Асмодей, это ваша дочь? Это так вы её воспитываете? Она врывается сюда, верхом на звере, вся в крови, как какой-то мясник, и оскорбляет высший совет! Это возмутительно! Это плевок в лицо всем нам! Вы должны немедленно наказать её, Асмодей! Или мы будем вынуждены расценить это как знак вашей слабости и неспособности контролировать даже собственную семью!

— Она прервала священную церемонию! — добавил Молох, вставая со своего места, и его глаза-уголья запылали с новой силой, а голос зазвенел, как клинок. — Это акт неуважения ко всем нам! Это вызов! Вы должны ответить, Асмодей! Покажите, что ваша власть распространяется и на вашу собственную кровь! Иначе завтра все узнают, что Владыка Пепла не в силах справиться с собственной дочерью!

Лилит, словно не слыша их истеричных воплей, повернулась к отцу. Лорд Асмодей сидел на троне неподвижно, как изваяние, как скала, о которую разбиваются волны. Его лицо было тем самым каменным лицом, о котором слагали легенды и которым пугали непослушных демонов. Ни один мускул не дрогнул, ни одна черта не изменилась.

Его багровые глаза, не мигая, не отрываясь, смотрели на дочь. На его молчание было страшно смотреть. В зале повисла такая звенящая тишина, что было слышно, как потрескивают факелы на стенах и как где-то далеко, в глубинах дворца, капает вода. Казалось, само время замерло, ожидая его приговора.

Лилит выдержала этот взгляд. Она не опустила глаза. Напротив, она расправила плечи, подняла подбородок выше и встала прямо, гордо, словно перед ней был не отец, а равный про-

тивник. В её серебристых глазах не было ни страха, ни раскаяния, ни мольбы. Только стальная решимость.

— Я не собираюсь быть украшением трона, отец, — заявила она во всеуслышание, и в её голосе не было ни нотки раскаяния, ни капли сожаления. — Я не ваза с цветами, чтобы нюхать и умиляться. Я не кукла, которую можно наряжать в шелка и выставлять напоказ перед этими... — она сделала паузу, обводя рукой зал, — перед этими стервятниками. Я — твоя дочь. И мое место не в этом лживом болоте, не на этих церемониях, а там, — она указала рукой на дверь, за которой остались подземелья, — где настоящие враги, настоящая кровь и настоящая жизнь!

Советники и гости, услышав такое, ахнули. Это был вызов не только им, но и самому Лорду Демонов. Брошенный прилюдно, в лицо, при свидетелях. Вельзевул злорадно ухмыльнулся, предвкушая немедленную и жестокую расправу. Молох смотрел с холодным, хищным интересом, словно прикидывая, как можно использовать эту ситуацию в своих целях. Все ждали, что Владыка испепелит дерзкую наследницу на месте, или, по меньшей мере, заточит в самую глубокую темницу.

Асмодей молчал ещё долгих десять секунд. Эти секунды показались присутствующим вечностью. Затем он медленно поднялся с трона. Его фигура, облаченная в тяжелые темные одежды, казалось, заполнила собой все пространство, отбрасывая гигантскую тень, которая накрыла весь зал. Он спустился по ступеням с возвышения, не сводя взгляда с дочери. Каждый его шаг отдавался в сердцах присутствующих глухим, тяжелым ударом.

Стражники невольно отступили на шаг назад. Даже Пожиратель, до этого момента стоявший с гордым, независимым видом, слегка присел на задние лапы и тихо заскулил, почувствовав невероятную, подавляющую мощь, исходящую от хозяина дворца. Лилит стояла неподвижно, глядя на приближающегося отца. Ей пришлось задрать голову, чтобы продолжать смотреть ему в глаза, когда он подошел вплотную.

От отца пахло огнем, пеплом и древней, непостижимой, первозданной силой. Этот запах одновременно пугал и пьянил её. Он поднял руку. Все затаили дыхание. Вельзевул подался вперед, его губы растянулись в предвкушающей ухмылке. Молох замер. Сердце Лилит бешено колотилось в груди, но она не отвела взгляда. Её глаза, серебристые, как молнии, смотрели прямо в багровые угли его глаз.

Асмодей внезапно и резко положил свою огромную, тяжелую ладонь ей на плечо. Хватка была крепкой, но не причиняла боли. Затем его каменное лицо дрогнуло. Трещина появилась в уголке рта. Она расширялась, пока не превратилась в широкую, обнажающую клыки ухмылку. А затем тишину тронного зала разорвал громогласный, раскатистый, неудержимый смех.

Этот звук был подобен извержению вулкана. Он прокатился по колоннам, заставил зазвенеть магические светильники, проник в самые дальние уголки дворца, заставив там, в глубинах, вздрогнуть всех низших существ. Он был древним, стихийным, первобытным. Асмодей смеялся, запрокинув голову, и в его смехе было нечто такое, чего не слышали в этих стенах уже тысячу лет. В этом смехе не было ни капли безумия или истерики. Это был смех гордости, одобрения, признания.

Архидемоны и их свиты в ужасе и полном недоумении вскочили со своих мест. Смех Владыки пугал их куда больше, чем его знаменитый, испепеляющий гнев. Смеющийся Асмодей был смертельно опасен. Они знали это по старым легендам.

Отсмеявшись, Лорд Асмодей снова посмотрел на дочь. В его багровых глазах плясали искры, которые не были связаны с яростью. Он крепче сжал её плечо, его пальцы, казалось, могли раздавить камень.

— Вот это, — пророкотал он, и его голос, подобный раскату грома, заполнил зал, заставив всех вздрогнуть, — вот это характер! Вот это кровь! Вот это моя дочь!

Он повернулся к перепуганному, ошеломленному Совету, всё ещё не убирая руку с плеча Лилит, и его взгляд, полный торжества и презрения, обвел их всех.

— Слышали, вы, трусливое отродье? — взревел он, и его слова, как удары бича, хлестнули по каждому из архидемонов. — Слышали, как говорит моя кровь? В то время, как вы, напыщенные идиоты, рассуждаете о границах и союзах, пока вы плетете свои мелкие интриги и торгуетесь за клочки власти, моя дочь проливает кровь врагов в подземельях моего же дворца! Вот где настоящая политика! Вот где настоящая жизнь! Вот где настоящая сила!

Он снова посмотрел на Лилит, и в его взгляде впервые проявилось нечто теплое, почти отеческое, нечто, что он так долго и так тщательно скрывал.

— Кровь избранных — не вода, — тихо сказал он, но эти слова услышали все, до последнего демона в дальнем углу. — Она — огонь. И горе тому, кто попытается её погасить.

Он убрал руку с её плеча и, словно завершая какую-то великую, только что разыгранную сцену, резко хлопнул в ладоши. Звук был резким, как удар бича, и эхом прокатился по залу.

— Переговоры окончены! — объявил Асмодей, и его голос не терпел возражений. — Моя дочь права. Нам не о чем говорить с теми, кто вздрагивает при виде охотничьего пса и у кого от одного вида крови подкашиваются ноги. Можете возвращаться в свои норы и передать своим хозяевам то, что вы видели сегодня. И пусть они подумают о том, какая кровь течет в жилах моей наследницы.

И, повернувшись спиной к ошеломленному Совету, который в панике и суматохе, роняя церемониальные атрибуты, спотыкаясь о собственные мантии, толкаясь и шипя друг на друга, бросился врассыпную к выходу, он положил руку на плечо Лилит и повел её в сторону своих покоев. Пожиратель, поняв, что гроза миновала, поднялся на лапы и последовал за ними, оставляя на чистом полу кровавые следы.

— Расскажи мне, — прогрохотал Асмодей, и в его голосе слышалось неподдельное любопытство и плохо скрываемая гордость, — сколько их было? И как далеко они посмели забраться в мои земли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.